

выполняя „дело божие“¹, „царь бо божий слуга есть“, а так как власть божия выше царской, то „подобает тем преклоняться и служить телесне, а не душевне, и въздавати им царскую честь, а не божественную“². Царю же, противящемуся „велению божию“, по мысли Иосифа, необходимо противодействовать всеми силами: „Аще ли жесть есть царь, над человеки царьствуя, над собою же имат царьствующа страсти и грехи, сребролюбие же и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши же всех неверие и хулу, — таковый царь не божий слуга, но диавол, и не царь, но мучитель“³. „И ты убо такового царя или князя не послушаеши, на нечестие и лукавство приводяща ты, аще мучит, аще смертию претит“⁴.

Таково освещение назначения царской власти, которое было дано в VII слове „Просветителя“. Грозные речи волоцкого игумена, направленные против царя-мучителя, которому должно отказывать в повиновении, понятны лишь в условиях конца 80—90-х годов XV века, когда царь и его окружение не оказывали действенной поддержки воинствующим церковникам в их борьбе с новгородскими еретиками. Не великий князь Московский, а церковные деятели типа Геннадия и Нифонта, епископа Суздальского, казались волоцкому игумену единственной поддержкой в борьбе с ересью — „главою всех“⁵. Иосиф Санин предстает перед нами как теоретик сильной воинствующей церкви, горящей о безусловном подчинении царской власти „священству“. Социальная среда, которая создала Волоколамский монастырь и поддерживала его в первый период, т. е. удельные князья Волоцко-Ружские и их окружение, способствовали воспитанию у Иосифа Санина воззрений, оппозиционных по отношению к московским государям.

Было еще одно обстоятельство, заставлявшее волоцкого игумена настороженно относиться к великому князю, — это земельная политика московского правительства. В 70—90-х годах XV века Иван III неоднократно проводил частичную конфискацию церковных земель в Новгороде, а в 1503 году пытался поставить вопрос о судьбах монастырского землевладения в общегосударственном масштабе. На этот раз с развернутым обоснованием стяжательской программы выступило официальное руководство русской церкви, возглавленное митрополитом Симоном, поддержанное геннадиевским кружком и последователями новгородского архиепископа, в числе которых был Иосиф Санин. Еще до 1503 года в составленных волоцким игуменом предисловиях к синодикам и другим книгам, куда записывались вклады „по душам“ умерших, Иосиф Санин рассматривал вопрос о монастырском землевладении с практической точки зрения игумена Волоцкого монастыря. В синодики заносились имена вкладчиков в монастырь,

¹ См. в „Просветителе“ стр. 320.

² Там же, стр. 324.

³ Там же, стр. 324—325.

⁴ Там же, стр. 325.

⁵ Иосиф Санин в послании Нифонту, епископу Суздальскому, писал: „ныне, господине, о том (речь идет о борьбе с ересью, — А. З.) стати искренпо некому, окроме тебя, государя нашего... глава бо еси всем и на тебе зрим все и тобою очистит господь всю церковь“ (РИБ, т. VI, стр. 821). Первоначально послание к Нифонту было посвящено „изобличению“ новгородских еретиков и не содержало упоминания о митрополите Зосиме (ГПБ, Q. XVII, № 64, лл. 245—248 об.). Составлено оно было, очевидно, около 1489—1490 годов, когда в Москве после смерти Геронтия не было митрополита и Нифонт, епископ Суздальский, мог рассматриваться „главою всего“. Новая редакция послания с резкими выпадами против Зосимы появилась уже после 1503 года, т. е. после разрыва Иосифа Санина с нестяжателями, к которым был близок умерший к тому времени опальный митрополит.